

ПОЛТАВА,

ПОЭМА

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1829.

П О Л Т А В А .

ПОЛТАВА,

П О Э М А

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

The power and glory of the war,
Faithless as their vain votaries, men,
Had pass'd to the triumphant Czar.

В У Р О К.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФИИ ДЕПАРТАМ. НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1829.

Съ дозволенія Правительства.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Полтавская битва есть одно изъ самыхъ важныхъ и самыхъ счастливыхъ произшествій царствованія Петра Великаго. Она избавила его отъ опаснѣйшаго врага; утвердила Русское владычество на Югѣ; обезпечила новыя заведенія на Сѣверѣ, и доказала Государству успѣхъ и необходимость преобразованія, совершаемаго Царемъ.

Ошибка Шведскаго Короля вошла въ половицу. Его упрекаютъ въ неосторожности, находятъ его походъ въ Украину безразсуднымъ. На критиковъ не угодишь, особенно послѣ неудачи. Карлъ однакожь симъ походомъ избѣгнулъ славной ошибки Наполеона: онъ не пошелъ на Москву. И могъ ли онъ

ожидать, что Малороссія, всегда безпокойная, не будетъ увлечена примѣромъ своего Гетмана и не возмутится противу недавно владычества Петра, что Левенгауптъ три дня сряду будетъ разбитъ, что наконецъ 25 т. Шведовъ, предводительствуемыхъ своимъ Королемъ, побѣгутъ передъ Нарвскими бѣглецами? Самъ Петръ долго колебался, избѣгая главнаго сраженія, яко зѣло опаснаго дѣла. Въ семъ походѣ Карль XII менѣе, нежели когда нибудь, вѣтрялся своему счастію: оно уступило генію Петра.

Мазепа есть одно изъ самыхъ замѣзательныхъ лицъ той эпохи. Нѣкоторые писатели хотѣли сдѣлать изъ него героя свободы, новаго Богдана Хмѣльницкаго. Исторія представляетъ его жестолубцемъ, закоренѣлымъ въ коварствахъ и злодѣянїяхъ, клеветникомъ Самойловига, своего благодѣтеля, губителемъ отца несчастной своей любовницы, измѣнникомъ Петра передъ его побѣдою, предателемъ Карла послѣ его пораженія: память его,

преданная Церковію анафемѣ, не можетъ избѣгнуть и проклятія челоѳтчества.

Нѣкто въ романигеской повѣсти изобразилъ Мазепу старымъ прусомъ, блѣднѣющимъ предъ вооруженной женщиною, изобрѣтающимъ утонченныя ужасы, годныя во Французской мелодраммѣ, и пр. Лучше было бы развитъ и объяснить настоящій характеръ мятежнаго Гетмана, не искажая своевольно историгескаго лица.

31 Января,
1829.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Тебѣ — но голосъ музы тёмной
Коснется ль уха твоего?
Поймешь ли ты душою скромной
Стремленье сердца моего?
Иль посвященіе поэта,
Какъ нѣкогда его любовь,
Передъ побою безъ отвѣта
Пройдешь, непризнанное вновь?

Узнай, по крайней мѣрѣ, звуки,
Бывало, милые тебѣ —
И думай, что во дни разлуки,
Въ моей измѣнчивой судьбѣ,
Твоя печальная пустыня,
Последній звукъ твоихъ рѣчей
Одно сокровище, святыня,
Одна любовь души моей.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

П О Л Т А В А .

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Богатъ и славенъ Кочубей ¹.

Его луга необозримы ;

Тамъ шабуны его коней

Пасушся вольны, нехранимы.

Кругомъ Полшавы хупора ²

Окружены его садами ,

И много у него добра ,

Мѣховъ , ашласа , серебра

И на виду и подъ замками.

Но Кочубей богатъ и гордъ

Не долгогривыми конями ³,

Не знапомъ , данью Крымскихъ ордъ ,

Не родовыми хупорами ,

Прекрасной дочерью своей
Гордился старый Кочубей.

И по сказашь : въ Полшавѣ нѣшь
Красавицы , Маріи равной .
Она свѣжа , какъ вешній цвѣтъ
Взлелѣянный въ тѣни дубравной .
Какъ шополь Кіевскихъ высотъ
Она спройна . Ея движенья
То лебедя пуспынныхъ водъ
Напоминають плавный ходъ ,
То лани быспрыя спремленья .
Какъ пѣна , грудь ея бѣла .
Вокругъ высокаго чела ,
Какъ шучи , локоны чернѣють .
Звѣздой блестяшь ея глаза ;
Ея уста , какъ роза , рдѣють .
Но не единая краса
(Мгновенный цвѣтъ !) молвою шумной
Въ младой Маріи почтена :
Вездѣ прославилась она
Дѣвицей скромной и разумной .

За то завидныхъ жениховъ
 Ей шлепъ Украина и Россія;
 Но опъ вѣнца, какъ опъ оковъ,
 Бѣжишь пугливая Марія.
 Всѣмъ женихамъ опказъ — и вопъ
 За ней самъ Гешманъ сваповъ шлепъ 4.

Онъ спарь. Онъ удрученъ годами,
 Войной, забопами, шрудами;
 Но чувсшва въ немъ кипяшь, и вновъ
 Мазепа вѣдаешъ любовь.

Мгновенно сердце молодое
 Горить и гаснешъ. Въ немъ любовь
 Проходишь и приходишь вновъ,
 Въ немъ чувсшво каждый день иное:
 Не столь послушно, не слегка,
 Не столь мгновенными спраспиями
 Пылаешъ сердце спарика,
 Окаменѣлое годами.
 Упорно, медленно оно
 Въ огнь спраспей раскалено;

Но поздній жарь ужь не остынешь
И съ жизнью лишь его покинешь.

Не серна подь ушесь уходишь,
Орла слыша пяхкйй лешь;
Одна въ сѣняхъ невѣща бродишь,
Трепещеть и рѣшенья ждешь.

И вся полна негодованьемъ
Къ ней машь идешь, и съ содроганьемъ
Схвапивь ей руку, говоришь:
« Безсмыднйй! спарець нечеспивый!
« Возможно ль?.. нѣшь, пока мы живы,
« Нѣшь! онь грѣха не совершишь.
« Онь, должный быть ошцемъ и другомъ
« Невинной креспницы своей...
« Безумець! на закапѣ дней
« Онь вздумалъ бышь ея супругомъ. »
Марія вздрогнула. Лицо
Покрыла блѣдность гробовая,
И охладѣвъ какъ неживая
Упала дѣва на крыльцо.

Она опомнилась, но снова
Закрыла очи — и ни слова
Не говоритъ. Опець и мать
Ей сердце ищущъ успокоишь,
Боязнь и горесъ разогнашь,
Тревогу смущныхъ думъ устроишь...
Напрасно. Цѣлые два дня,
То молча плача, то сменя,
Марія не пила, не ѣла,
Шашаясь, блѣдная какъ тѣнь,
Не зная сна. На прешій день
Ея свѣшлица опустила.

Никшо не зналъ, когда и какъ
Она сокрылась. Лишь рыбакъ
Той ночью слышалъ конскій попошь,
Козачью рѣчь и женскій шопощъ,
И упромъ слѣдь осьми подковъ
Быль видѣнь на росѣ луговъ.

Не только первый пухъ ланишь,
Да русы кудри молодые,

Порой и старца строгій видъ,
 Рубцы чела, власы сѣдые
 Въ воображенъе красоты
 Влагають спраспныя мечпы.

И вскорѣ слуха Кочубея
 Коснулась роковая вѣспь :
 Она забыла спыдъ и чеспъ,
 Она въ объяспіяхъ злодѣя!
 Какой позоръ! Опець и мапъ
 Молву не смѣють понимашъ.
 Тогда лишь истина явилась
 Съ своей ужасной нагошой.
 Тогда лишь шолько объяснилась
 Душа пресшупницы молодой.
 Тогда лишь шолько спало явно,
 Зачѣмъ бѣжала своенравно
 Она семейспвенныхъ оковъ,
 Томилась пайно, въздыхала
 И на привѣшы жениховъ
 Молчаньемъ гордымъ ошвѣчала;
 Зачѣмъ шакъ шихо за споломъ

Она лишь Гешману внимала,
 Когда бесѣда ликовала
 И чаша пѣнилась виномъ;
 Зачѣмъ она всегда пѣвала
 Тѣ пѣсни, кои онъ слогаль ⁵,
 Когда онъ бѣдень былъ и малъ,
 Когда молва его не знала;
 Зачѣмъ съ неженскою душой
 Она любила конный спрой,
 И бранный звонъ липавръ и клики
 Предъ бунчукомъ и булавой
 Малороссійскаго владыки ⁶...

Богатъ и знапень Кочубей.
 Довольно у него друзей.
 Свою омышь онъ можешь славу.
 Онъ можешь возмушишь Полшаву;
 Внезапно средь его дворца
 Онъ можешь мщеніемъ опща
 Поспигнушь гордаго злодѣя;
 Онъ можешь вѣрною рукой

Вонзипь... но замысль иной
Волнуешъ сердце Кочубея.

Была ша смушная пора,
Когда Россія молодая,
Въ бореньяхъ силы напрягая,
Мужала съ геніемъ Петра.
Суровый былъ въ наукъ славы
Ей данъ учишель: не одинъ
Урокъ нежданный и кровавый
Задалъ ей Шведскій паладинъ.
Но въ искушеньяхъ долгой кары
Перешерпѣвъ судебъ удары,
Окрѣпла Русь. Такъ шяжкій млашь,
Дробя сшекло, куешъ булашь.

Вѣнчаннй славой бесполезной,
Ошважнй Карль скользиль надъ бездной.
Онъ шель на древнюю Москву,
Взмешая Рускія дружины,
Какъ вихоръ гонишь прахъ долины
И клонишь пыльную шраву.

Онъ шель пушемъ, гдѣ слѣдъ ославиль
Въ дни наши новый, сильный врагъ,
Когда паденіемъ ославиль
Мужъ рока свой попяшный шагъ 7.

Украйна глухо волновалась.
Давно въ ней искра разгоралась.
Друзья кровавой спарины
Народной чаяли войны,
Ропшали пребуя кичливо,
Чтобъ Гешманъ узы ихъ распоргъ,
И Карла ждалъ нешерпѣливо
Ихъ легкомысленный воспоргъ.
Вокругъ Мазепы раздавался
Мяшежный крикъ: пора, пора!
Но спарый Гешманъ ославался
Послушнымъ подданнымъ Петра.
Храня суровость обычайну,
Спокойно вѣдалъ онъ Украйну,
Молвъ, казалось, не внималъ
И равнодушно пировалъ.

« Чшо жь Гешмань? юноши швердили,
 Онъ изнемогъ; онъ слишкомъ спаръ;
 Труды и годы угасили
 Въ немъ прежній, дѣяшелейный жаръ.
 Зачѣмъ дрожащею рукою
 Еще онъ носить булаву?
 Теперь бы грянуть намъ войною
 На ненависшную Москву!
 Когда бы спарый Дорошенко ⁸,
 Иль Самойловичъ молодой ⁹,
 Иль нашъ Палѣй ¹⁰, иль Гордѣнко ¹¹
 Владѣли силою войсковою;
 Тогда бь въ снѣгахъ чужбины дальной
 Не погибали козаки,
 И Малороссіи печальной
 Освобождались ужь полки ¹². »

Такъ, своеволиемъ пылая,
 Ропшала юношъ удамая,
 Опасныхъ алча перемѣнь,
 Забывъ опчизны давній плѣнь,
 Богдана счастливые споры,

Святыя брани, договоры
И славу дѣдовскихъ временъ.
Но старость ходить оспорожно
И подозрительно глядишь.
Чего нельзя и что возможно,
Еще не вдругъ она рѣшишь.
Кто снидешь въ глубину морскую,
Покрышю недвижно льдомъ?
Кто испышующимъ умомъ
Проникнешъ бездну роковую
Души коварной? Думы въ ней,
Плоды подавленныхъ спраспей,
Лежашъ погружены глубоко,
И замысль давнишнихъ дней,
Бышь можешь, зрѣешь одиноко.
Какъ знашь? Но чѣмъ Мазена злѣй,
Чѣмъ сердце въ немъ хищрѣй и ложнѣй,
Тѣмъ съ виду онъ неоспорожнѣй
И въ обхожденіи простѣй.
Какъ онъ умѣешь самовластно
Сердца привлечь и разгадашь,
Умами правишь безопасно,

Чужія тайны разрѣшашъ !
Съ какой довѣрчивосшью лживой ,
Какъ добродушно на пирахъ
Со старцами шарикъ болшливой
Жалѣешъ онъ о прошлыхъ дняхъ ,
Свободу славипъ съ своевольнымъ ,
Поносишь власти съ недовольнымъ ,
Съ ожесточеннымъ слезы льешъ ,
Съ глупцомъ разумну рѣчь ведешъ !
Не многимъ , можешъ бышь , извѣсно ,
Чшо духъ его неукрошимъ ,
Чшо радъ и честно и бесчестно
Вредишь онъ недругамъ своимъ ;
Чшо ни единой онъ обиды
Съ шѣхъ поръ какъ живъ не забывалъ ,
Чшо далеко пресшунны виды
Старикъ надменный проеширалъ ;
Чшо онъ не вѣдаешъ свяшныи ,
Чшо онъ не помнишь благосшныи ,
Чшо онъ не любипъ ничего ,
Чшо кровь гошовъ онъ липъ какъ воду ,

Что презираешь онъ свободу,
 Что нѣтъ отчизны для него.

Издавна умысль ужасный
 Взмельяля шайно злой спарикъ
 Въ душѣ своей. Но взоръ опасный,
 Враждебный взоръ его проникъ.

«Нѣтъ, дерзкій хищникъ, нѣтъ, губитель!
 Скрежеща мыслишь Кочубей,
 Я пощажу твою обитель,
 Темницу дочери моей;
 Ты не исплѣнешь средь пожара,
 Ты не издохнешь отъ удара
 Козачей сабли. Нѣтъ, злодѣй,
 Въ рукахъ Московскихъ палачей,
 Въ крови, при щещныхъ оприцаньяхъ,
 На дыбѣ, корчась въ испязаньяхъ,
 Ты проклянешь и день и часъ,
 Когда ты дочь крестилъ у насъ,
 И пирь, на коемъ чеспи чашу
 Тебѣ я полную наливаль,

И ночь, когда голубку нашу
Ты, спарый коршунъ, заклевалъ! . . . »

Такъ! было время: съ Кочубеемъ
Былъ другъ Мазепа; въ оны дни
Какъ солю, хлѣбомъ и елеемъ
Дѣлились чувствами они.
Ихъ кони по полямъ побѣды
Скакали рядомъ сквозь огни;
Нерѣдко долгія бесѣды
Наединѣ вели они —
Предъ Кочубеемъ Гешманъ скрышной
Души мяшежной, ненасышной
Ошчаспи бездну ошкрывалъ
И о грядущихъ измѣненьяхъ,
Переговорахъ, возмущеньяхъ
Въ рѣчахъ неясныхъ намекалъ.
Такъ, было сердце Кочубея
Въ то время предано ему.
Но въ горькой злобѣ свирѣпѣя,
Теперь позыву одному
Оно послушно; онъ голубишь

Едину мысль и день и ночь :
 Иль самъ погибнешь , иль погубить —
 Ошмстить поруганную дочь .

Но предприимчивую злобу
 Онъ крѣпко въ сердцѣ зашилъ .
 « Въ безсильной горести , ко гробу
 Теперь онъ мысли успремилъ .
 Онъ зла Мазепѣ не желаетъ ;
 Всему виновна дочь одна .
 Но онъ и дочери прощаетъ :
 Пусшь Богу дастъ отвѣшь она ,
 Покрывъ семью свою позоромъ ,
 Забывъ и небо и законъ . . . »

А между тѣмъ орлинымъ взоромъ
 Въ кругу домашнемъ ищеть онъ
 Себѣ поварищей опважныхъ ,
 Неколебимыхъ , непродажныхъ .
 Во всемъ открылся онъ женѣ ¹³ :
 Давно въ глубокой шиниѣ
 Уже доносъ онъ грозный копилъ ,

И гнѣва женскаго полна
 Нетерпѣливая жена
 Супруга злобнаго поропишь.
 Въ пиши ночной, на ложѣ сна,
 Какъ нѣкій духъ, ему она
 О мщении шепчешь, укоряешь,
 И слезы льешь, и ободряешь,
 И кляшвы шребуешь — и ей
 Клянешься мрачный Кочубей.

Ударь обдуманъ. Съ Кочубеемъ
 Безстрашный Искра ¹⁴ заодно.
 И оба мысляшь: « одолѣемъ;
 Врага паденье рѣшено.
 Но кто жь, усердьемъ пламенѣя,
 Ревнуя къ общему добру,
 Доносъ на мощнаго злодѣя
 Предубѣжденному Петру
 Къ ногамъ положишь не робѣя? »

Между Полшавскихъ Козаковъ,
 Презрѣнныхъ дѣвою несчастной,

Одинъ съ младенческихъ годовъ
Ее любилъ любовью спраспной.
Вечерней, утренняя порой,
На берегу рѣки родной,
Въ тѣни Украинскихъ черешень,
Бывало, онъ Марію ждалъ,
И ожиданіемъ спрадалъ,
И крапкой встрѣчей былъ утѣшенъ.
Онъ безъ надеждъ ее любилъ,
Не докучалъ онъ ей мольбою:
Отказа бъ онъ не пережилъ.
Когда набѣхали толпою
Къ ней женихи; изъ ихъ рядовъ
Уныль и сирь онъ удалился.
Когда же вдругъ межъ Козаковъ
Позоръ Маріинъ огласился,
И беспощадная молва
Ее со смѣхомъ поразила;
И шуть Марія сохранила
Надъ нимъ привычныя права.
Но если кто хоща случайно
Предъ нимъ Мазепу называлъ;

**

То онъ блѣднѣлъ, терзаясь тайно,
И взоры въ землю опускалъ.

Кто при звѣздахъ и при лунѣ
Такъ поздно ѣдешь на конѣ?
Чей это конь неушомимой
Бѣжишь въ степи необозримой?

Козакъ на сѣверъ держишь пушь,
Козакъ не хочешь отдохнущь
Ни въ чистомъ полѣ, ни въ дубравѣ,
Ни при опасной переправѣ.

Какъ стекло булавъ его блестяшь,
Мѣшокъ за пазухой звенишь,
Не спотыкаясь конь репивою
Бѣжишь, размахивая гривой.

Червонцы нужны для гонца,
Булавъ пошѣха молодца,
Репивый конь пошѣха поже —
Но шапка для него дороже.

За шапку онъ оставишь радъ
 Коня, червонцы и булашь,
 Но выдашь шапку только съ бою,
 И шо лишъ съ буйной головою.

Зачѣмъ онъ шапкой дорожишь?
 За шѣмъ, чшо въ ней доносъ зашишь,
 Доносъ на Гепмана злодѣя
 Царю Петру ошъ Кочубея.

Грозы не чюя между шѣмъ,
 Неужасаемый ничѣмъ,
 Мазепа козни продолжаетъ.
 Съ нимъ полномощный Езуишь ¹⁵
 Мяшежъ народный учреждаетъ
 И шапкѣй шронъ ему сулишь.
 Во шѣмъ ночной они какъ воры
 Ведушь свои переговоры,
 Измѣну цѣняшь межъ собой,
 Слогаюшь цыфрѣ Универсаловъ ¹⁶,
 Торгуюшь Царской головой,
 Торгуюшь кляшвами вассаловъ.

Какой-то нищій во дворець
Невѣдомо опколѣ ходишь,
И Орликъ 17, Гешмановъ дѣлецъ,
Его приводишь и выводишь.
Повсюду шайно сѣюшь ядъ
Его подосланные слуги:
Тамъ на Дону козачьи круги
Они съ Булавинымъ 18 мушаютъ;
Тамъ будятъ дикихъ ордъ опвагу;
Тамъ за порогами Днѣпра
Спращаютъ буйную вашугу
Самодержавіемъ Петра.
Мазена всюду взоръ кидаешь,
И письма шлепъ изъ края въ край:
Угрозой хитрой подымаешь
Онъ на Москву Бахчисарай.
Король ему въ Варшавѣ внемлетъ,
Въ спѣнахъ Очакова Паша,
Во снахъ Карлъ и Царь. Не дремлетъ
Его коварная душа;
Онъ, думой думу развивая,
Вѣрнѣй гошовишь свой ударъ;

Въ немъ не слабѣеть воля злая,
Неушомимъ пресупный жарь.

Но какъ онъ вздрогнулъ, какъ воспрянулъ,
Когда предъ нимъ незапно грянулъ
Упадшій громъ! когда ему,
Врагу Россіи самому,
Вельможи Рускіе ¹⁹ послали
Въ Полшавѣ писанный доносъ,
И вмѣсто праведныхъ угрозъ,
Какъ жершвѣ, ласки распочали;
И сзабоченный войной,
Гнушаясь мнимой клеветой,
Доносъ оставя безъ вниманья,
Самъ Царь Іуду утѣшалъ
И злобу шумомъ наказанья
Смиришь надолго обѣщаль!

Мазепа, въ горести припворной,
Къ Царю возноситъ гласъ покорной.
« И знаешь Богъ, и видишь свѣшь :
« Онъ бѣдный Гешманъ двадцашъ лѣшь

- « Царю служилъ душою вѣрной ;
« Его щедрошою безмѣрной
« Осыпанъ , дивно вознесенъ... ;
« О , какъ слѣпа , безумна злоба !... ,
« Ему ль шеперь у двери гроба
« Начашъ ученіе измѣнъ ,
« И пошемняшъ благоую славу ?
« Не онъ ли помощь Станиславу ²⁰
« Съ негодованьемъ опказалъ ,
« Спыдясъ , отвергъ вѣнецъ Украйны ,
« И договоръ и письма тайны
« Къ Царю , по долгу , отослалъ ?
« Не онъ ли наущеньямъ Хана ²¹
« И Цареградскаго Салпана
« Былъ глухъ ? Усердіемъ горя ,
« Съ врагами бѣлаго Царя
« Умомъ и саблей радъ былъ спорить ,
« Трудовъ и жизни не жалѣлъ ,
« И нынѣ злобный недругъ смѣлъ
« Его сѣдины опозорить !
« И кто же ? Искра , Кочубей !
« Такъ долго бывъ его друзьями !... »

И съ кровожадными слезами,
 Въ холодной дерзости своей,
 Ихъ казни пребуешь злодѣй 22....

Чьей казни?... старецъ непреклонный!
 Чья дочь въ объятіяхъ его?
 Но хладно сердца своего
 Онъ заглушаетъ ропотъ сонный.
 Онъ говоришь: « въ неравный споръ
 Зачѣмъ вступаешь сей безумецъ?
 Онъ самъ, надменный вольнодумецъ,
 Самъ почишь на себя попоръ.
 Куда бѣжишь, зажавши вѣжды?
 На чемъ онъ основалъ надежды?
 Или... но дочери любовь
 Главы опцовской не искупишь.
 Любовникъ Гепману уступишь,
 Не по моя прольется кровь. »

Марія, бѣдная Марія,
 Краса Черкасскихъ дочерей!
 Не знаешь ты какаго змія

Ласкаешь на груди своей.
Какой-же властью непоняшной
Къ душѣ свирѣпой и развратной
Такъ сильно ты привлечена?
Кому ты въ жертву отдана?
Его кудрявыя сѣдины,
Его глубокія морщины,
Его блестящій, впамый взоръ,
Его лукавый разговоръ
Тебѣ всего, всего дороже:
Ты машь забышь для нихъ могла,
Соблазномъ пошланное ложе
Ты опчей сѣни предпочла.
Своими чудными очами
Тебя спарикъ заморозилъ,
Своими шихими рѣчами
Въ шебѣ онъ совѣсть усыпилъ;
Ты на него съ благоговѣньемъ
Возводишь ослѣпленный взоръ,
Его лелѣешь съ умиленьемъ —
Тебѣ пріятенъ твой позоръ,
Ты имъ, въ безумномъ упоеньи,

Какъ цѣломудріемъ горда —
 Ты прелесть нѣжную спыда
 Въ своемъ ушрапила паденьи....

Что спыдъ Маріи? что молва?
 Что для нея мірскія пѣни,
 Когда склоняешься въ колѣни
 Къ ней спарца гордая глава,
 Когда съ ней Гешманъ забываетъ
 Судьбы своей и шрудъ и шумъ,
 Иль тайны смѣлыхъ, грозныхъ думъ
 Ей дѣвѣ робкой открываетъ?
 И дней невинныхъ ей не жаль,
 И душу ей одна печаль
 Порой, какъ шуча, запмеваетъ:
 Она унылыхъ предъ собой
 Опца и машь воображаетъ;
 Она, сквозь слезы, видишь ихъ
 Въ бездѣшной спароспи, однихъ,
 И мнился, пѣнямъ ихъ внимаешь....
 О, если бѣ вѣдала она,
 Что ужь узнала вся Украина!

Но опъ нея сохранена
Еще убійственна пайна.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

П О Л Т А В А.

П Ъ С Н Ъ В Т О Р А Я.

Мазепа мрачень. Умь его
Смущень жестокими мечшами.
Марія нѣжными очами
Глядишь на спарца своего.
Она, обнявъ его колѣни,
Слова любви ему швердишь.
Напрасно: черныхъ помышленій
Ея любовь не удалишь.
Предъ бѣдной дѣвой съ невниманьемъ
Онъ хладно пошупляешъ взоръ,
И ей на ласковый укоръ
Однимъ ошвѣщспвуешъ молчаньемъ.

Удивлена, оскорблена,
 Едва дыша, вспаешь она
 И говоришь съ негодованьемъ :

« Послушай, Гепманъ: для тебя
 Я позабыла все на свѣшѣ.
 Навѣкъ однажды полюбя,
 Одно имѣла я въ предметъ:
 Твою любовь. Я для нее
 Сгубила счастье мое,
 Но ни о чемъ я не жалю —
 Ты помнишь: въ спрашной пишинѣ,
 Въ шу ночь, какъ спала я швоею,
 Меня любишь шы клялся мнѣ.
 Зачѣмъ же шы меня не любишь?»

М а з е п а.

Мой другъ, несправедлива шы.
 Осшавъ безумныя мечшы;
 Ты подозрѣваемъ сердце губишь:
 Нѣшь, душу пылкую швою
 Волнуюшь, ослѣцляюшь спрассти.

Марія, вѣрь: тебя люблю
Я больше славы, больше власти.

МАРІЯ.

Не правда: ты со мной хитришь.
Давно ль мы были неразлучны?
Теперь ты ласкъ моихъ бѣжишь;
Теперь онѣ тебѣ докучны;
Ты цѣлый день въ кругу спаршинъ,
Въ пирахъ, разъѣздахъ — я забыта;
Ты долгой ночью иль одинъ,
Иль съ нищимъ, иль у Езуита.
Любовь смиренная моя
Встрѣчаетъ хладную суровость.
Ты пилъ недавно, знаю я,
Здоровье Дульской. Эпо новость;
Кто эта Дульская?

МАЗЕПА.

И ты

Ревнива? Мнѣ ль, въ мои ли лѣта
Искашь надменнаго привѣта
Самолюбивой красоты?
И спану ль я, спарикъ суровый,

Какъ праздный юноша, вздыхашь,
 Влачишь позорныя оковы
 И жень припворспвомъ искушашь?

МАРІЯ.

Нѣтъ, объяснись безъ опговорокъ
 И прости, прямо опвѣчай.

МАЗЕПА.

Покой души швоей мнѣ дорогъ,
 Марія; шакъ и бышь: узнай.

Давно замыслили мы дѣло;
 Теперь оно кипишь у насъ.
 Благое время намъ приспѣло;
 Борьбы великой близокъ часъ.
 Безъ милой вольности и славы
 Склоняли долго мы главы
 Подъ покровишельствомъ Варшавы,
 Подъ самовласшіемъ Москвы.
 Но независимой державой
 Украинѣ бышь уже пора:
 И знамя вольности кровавой
 Я подымаю на Петра.

Готова все : въ переговорахъ
 Со мною оба Короля ;
 И скоро въ смутахъ , въ бранныхъ спорахъ ,
 Быть можешь , пронь воздвигну я .
 Друзей надежныхъ я имѣю :
 Княгиня Дульская и съ нею
 Мой Езуишь , да нищій сей
 Къ концу мой замысль приводяшь .
 Черезъ руки ихъ ко мнѣ доходяшь
 Наказы , письма Королей .
 Вопь важныя шебѣ признанья .
 Довольна-ль ты ? Твои мечпанья
 Разсѣяны ль ?

М а р і я .

О милый мой ,
 Ты будешь царь земли родной !
 Твоимъ сѣдинамъ какъ приспанешъ
 Корона царская !

М а з е н а .

Постой ,
 Не все свершилось . Буря грянешъ ;
 Кто можешь знашь , что ждешъ меня ?

* *

МАРІЯ.

Я близь тебя не знаю спрахъ —
Ты такъ могущъ! О знаю я:
Тронъ ждешъ тебя.

МАЗЕПА.

А если плаха?..

МАРІЯ.

Съ побой на плаху, если такъ.
Ахъ, переживъ тебя могу ли?
Но нѣтъ: ты носишь власши знакъ.

МАЗЕПА.

Меня ты любишь?

МАРІЯ.

Я! люблю ли?

МАЗЕПА.

Скажи: опець или супругъ
Тебѣ дороже?

МАРІЯ.

Милый другъ,
Къ чему вопросъ такой? превоживъ
Меня напрасно онъ. Семью
Сспараюсь я забыть мою.

Я спала ей въ позорь; бышь можешь,
 (Какая страшная мечта!)
 Моимъ опцемъ я прокляпа,
 А за кого?

МАЗЕПА.

Такъ я дороже
 Тебѣ опца? Молчишь...

МАРІЯ.

О Боже!

МАЗЕПА.

Чшо жь? опвѣчай.

МАРІЯ.

Рѣши шы самъ.

МАЗЕПА.

Послушай: если было бь намъ,
 Ему иль мнѣ, погибнушь надо,
 А ты бы намъ судьей была,
 Кого бь шы въ жершву принесла,
 Кому бы шы была ограда?

МАРІЯ.

Ахъ, полно! Сердца не смущай!
 Ты искуситель.

МАЗЕПА.

Опвѣчай!

МАРІЯ.

Ты блѣдень; рѣчь швоя сурова...
 О, не сердись! Всѣмъ, всѣмъ гошова
 Тебѣ я жершвовашь, повѣрь;
 Но спрашны мнѣ слова шакія.
 Довольно.

МАЗЕПА.

Помни же, Марія,
 Чшо ты сказала мнѣ шеперь.

Тиха Украинская ночь.
 Прозрачно небо. Звѣзды блещуть.
 Своей дремошы превозмочь
 Не хочешь воздухъ. Чуть шрепещуть
 Сребришыхъ шополей лисшы.
 Луна спокойно съ вышишы
 Надъ Бѣлой-Церковью сіяеть
 И пышныхъ Гешмановъ сады
 И старый замокъ озаряеть.

И тихо, тихо все кругомъ ;
Но въ замкѣ шопошь и смяшенье.
Въ одной изъ башень, подъ окномъ ,
Въ глубокомъ , пияжкомъ размышленъ ,
Окованъ, Кочубей сидишь
И мрачно на небо глядишь.

Заупра казнь. Но безъ боязни
Онъ мыслишь объ ужасной казни ;
О жизни не жалѣешь онъ.
Что смершь ему? желанный сонъ.
Готовъ онъ лечь во гробъ кровавый.
Дрема долишь. Но, Боже правый!
Къ ногамъ злодѣя, молча, пасшь
Какъ безсловесное созданье,
Царемъ бышь опдану во власшь
Врагу Царя на поруганье,
Упрашишь жизнь — и съ нею честь ,
Друзей съ собой на плаху весшь ,
Надъ гробомъ слышашь ихъ прокляшья ,
Ложась безвиннымъ подъ шопорь ,
Врага веселый встрѣшишь взоръ

И смерти кинуться въ объятія,
 Не завѣщая никому
 Вражды къ злодѣю своему!...

И вспомнилъ онъ свою Полшаву,
 Обычный кругъ семьи, друзей,
 Минувшихъ дней богатство, славу,
 И пѣсни дочери своей,
 И старый домъ, гдѣ онъ родился,
 Гдѣ зналъ и шрудъ и мирный сонъ,
 И все, чѣмъ въ жизни наслаждался,
 Что добровольно бросилъ онъ,
 И для чего? —

Но ключъ въ заржавомъ
 Замкѣ гремишь — и пробуждѣнъ
 Несчастный думаешь: вошь онъ!
 Вошь на пуши моемъ кровавомъ
 Мой вождь подъ знаменемъ Креспа,
 Грѣховъ могущій разрѣшишь,
 Духовной скорби врачъ, служитель
 За насъ распятаго Христа,
 Его свяшую кровь и шло

Принесшій мнѣ, да укрѣплюсь,
Да приступлю ко смерти смѣло
И жизни вѣчной приобшусь!

И съ сокрушеніемъ сердечнымъ
Готовъ несчастный Кочубей
Передъ Всесильнымъ, Безконечнымъ
Излишь шоску мольбы своей.
Но не опшельника свяпаго,
Онъ госпя узнаешь инаго:
Свирѣпый Орликъ передъ нимъ.
И опшращеніемъ помимъ,
Спрадалецъ горько вопрошаетъ:
Ты здѣсь, жестокой человекъ?
Зачѣмъ послѣдній мой ночлегъ
Еще Мазепа возмущаетъ?

Орликъ.

Допросъ не конченъ: опшвѣчай.

Кочубей.

Я опшвѣчалъ уже: спупай,
Оспавъ меня.

Орликъ.

Еще признанья

Пань Гешманъ пребуешь.

Кочувей.

Но въ чемъ?

Давно сознался я во всемъ,
 Чшо вы хотѣли. Показанья
 Мои всѣ ложны. Я лукавъ,
 Я спрою козни. Гешманъ правъ:
 Чего вамъ болѣе?

Орликъ.

Мы знаемъ,

Чшо ты несчетно былъ богашъ;
 Мы знаемъ: не единый кладъ
 Тобой въ Диканькѣ ²³ укрываемъ.
 Свершишься казнь швоя должна;
 Твое имѣніе сполна
 Въ казну поступишь войсковую —
 Таковъ законъ. Я указую
 Тебѣ послѣдній долгъ: ошкрой,
 Гдѣ клады скрытые побой?

Кочубей.

Такъ, не ошиблись вы: при клада
 Въ сей жизни были мнѣ опрада.
 И первый кладъ мой Chesъ была,
 Кладъ эшошъ пышка опняла;
 Другой былъ кладъ невозвращимый
 Chesъ дочери моей любимой.
 Я день и ночь надъ нимъ дрожалъ:
 Мазепа эшошъ кладъ украль.
 Но сохранилъ я кладъ послѣдній,
 Мой прешій кладъ: свяшую месъ.
 Ее гошовлюсь Богу снесъ.

Орликъ.

Сшарикъ, оставъ пущыя бредни:
 Сегодня покидая свѣшъ,
 Питайся мыслию суровой.
 Шушишь не время. Дай опвѣшъ,
 Когда не хочешъ пышки новой:
 Гдѣ спряшалъ деньги?

Кочубей.

Злой холопъ!

Окончишь ли допросъ нельпой?

Повремени: дай лечь мнѣ въ гробъ,
 Тогда ступай себѣ съ Мазепой
 Мое наслѣдіе считаешь
 Окровавленными перстами,
 Мои подвалы разрываешь,
 Рубишь и жечь сады съ домами.
 Съ собой возмише дочь мою;
 Она сама вамъ все расскажешь,
 Сама всѣ клады вамъ укажешь;
 Но ради Господа молю,
 Теперь оставь меня въ покоѣ.

О р л и к ѣ .

Гдѣ спряхалъ деньги? укажи.
 Не хочешь? — Деньги гдѣ? скажи,
 Иль выйдешь слѣдствіе плохое.
 Подумай: мѣсто намъ назначь.
 Молчишь? — Ну, въ пышку. Гей, палачь! ²⁴

Палачь вошелъ....

О, ночь мученій!

Но гдѣ же Гешманъ? гдѣ злодѣй?

Куда бѣжалъ ошь угрызений

Змѣиной совѣспи своей?
 Въ свѣщницѣ дѣвы усыпленной,
 Еще незнаніемъ блаженной,
 Близъ ложа крещницы молодой
 Сидишь съ поникшею главою
 Мазепа пихій и угрюмый.
 Въ его душѣ проходяшь думы,
 Одна другой мрачнѣй, мрачнѣй.
 « Умрешь безумный Кочубей;
 Спаси не лзя его. Чѣмъ ближе
 Цѣль Гешмана, шѣмъ шверже онъ
 Бышь долженъ власпью облеченъ,
 Тѣмъ передъ нимъ склоняшься ниже
 Должна вражда. Спасенья нѣтъ :
 Доносчикъ и его клевершь
 Умрушь. » Но брося взоръ на ложе,
 Мазепа думаешь : « о Боже!
 Чшо будешь съ ней, когда она
 Услышитъ слово роковое?
 Досель она еще въ покоѣ —
 Но тайна бышь сохранена
 Не можешь долѣ. Съкира,

Упавъ поуспру, загремишь
По всей Украинѣ. Голось міра
Вокругъ нея заговоришь!...
Ахъ, вижу я: кому судьбою
Волненья жизни суждены;
Топь спой одинъ передъ грозою,
Не призывай къ себѣ жены.
Въ одну шелегу впрячь невозможно
Коня и шрепешную лань.
Забылся я неосшоржно:
Теперь плачу безумспва дань...
Все, что цѣны себѣ не знаешь,
Все, все, чѣмъ жизнь мила бываетъ,
Бѣдняжка принесла мнѣ въ даръ,
Мнѣ спарцу мрачному — и что же?
Какой гошовлю ей ударь! — »
И онъ глядишь: на шихомъ ложѣ
Какъ сладокъ юноспи покой!
Какъ сонъ ее лелѣешь нѣжно!
Усна раскрылись; безмяшежно
Дыханье груди молодой;
А завшра, завшра... содрогаясь

Мазепа отвращаетъ взглядъ,
Вспаетъ и тихо пробираясь
Въ уединенный сходишь садъ.

Тиха Украинская ночь.

Прозрачно небо. Звѣзды блещуть.
Своей дремошы превозмочь
Не хочешь воздухъ. Чуть препенуть
Сребрисныхъ пополей лисы.
Но мрачны странныя мечты
Въ душѣ Мазепы: звѣзды ночи,
Какъ обвинительныя очи,
За нимъ насмѣшливо глядятъ.
И пополи, спѣснившись врьдъ,
Качая тихо головою,
Какъ судьи, шепчуть межъ собою.
И лѣпней, теплой ночи шма
Душна, какъ черная шюрма.

Вдругъ... слабый крикъ... невнятный сонъ
Какъ бы изъ замка слышишь онъ.
То былъ ли сонъ воображенья,

Иль плачь совы, иль звѣря вой,
 Иль пышки спонь, иль звукъ иной —
 Но шолько своего волненья
 Преодольшь не могъ спарикъ
 И на просяжный слабый крикъ
 Другимъ опвѣщшвоваль — шѣмъ крикомъ,
 Кошорымъ онъ въ весельи дикомъ
 Поля сраженья оглашаль,
 Когда съ Забьлой, съ Гамалѣемъ,
 И — съ нимъ... и съ эшимъ Кочубеемъ
 Онъ въ бранномъ пламени скакаль.

Зари багряной полоса
 Объемлешь ярко небеса.
 Блеснули доли, холмы, нивы,
 Вершины роць и волны рѣкъ.
 Раздался упра шумъ игривый,
 И пробудился человекъ.

Еще Марія сладко дышитъ,
 Дремой обьятая, и слышитъ

Сквозь легкой сонъ, что кто-то къ ней
 Вошелъ и ногъ ея коснулся.
 Она проснулась — но скорѣй
 Съ улыбкой взоръ ея сомкнулся
 Ошъ блеска упренныхъ лучей.
 Марія руки просянула
 И съ нѣгой шомною шепнула:
 Мазена, шы?... Но голось ей
 Иной ошвѣшпвуешь... о Боже!
 Вздрогнувъ, она глядишь... и что же?
 Предъ нею мать...

М а т ь.

Молчи, молчи;

Не погуби насъ: я въ ночи
 Сюда прокралась ошпорожно
 Съ единой, слезною мольбой.
 Сегодня казнь. Тебѣ одной
 Свирѣштво ихъ смягчишь возможно.
 Спаси отца.

Дочь, въ ужасѣ.

Какой отецъ?

Какая казнь?

МАТЬ.

Иль ты донинѣ

Не знаешь?.. нѣтъ! ты не въ пустынь,
Ты во дворецъ; ты знашь должна,
Какъ сила Гешмана грозна,
Какъ онъ враговъ своихъ караетъ,
Какъ Государь ему внимаешь —
Но вижу: скорбную семью
Ты отвергаешь для Мазепы;
Тебя я сонну заспаю,
Когда свершають судъ свирѣпый,
Когда читають приговоръ,
Когда гошовъ опцу шопоръ —
Другъ другу, вижу, мы чужія...
Опомнись: дочь моя! Марія,
Бѣги, пади къ его ногамъ,
Спаси опца, будь ангель намъ:
Твой взглядъ злодѣямъ руки свяжешь,
Ты можешь ихъ шопоръ отвесить.
Рвись, шребуи — Гешманъ не опкажешь:
Ты для него забыла честьъ,
Родныхъ и Бога.

Д о ч ь.

Что со мною?

Отець... Мазепа... казнь — съ мольбою
Здѣсь, въ эпомъ замкѣ машь моя —
Нѣтъ, иль ума лишилась я,
Иль это грезы.

М а т ь.

Богъ съ шобою,

Нѣтъ, нѣтъ — не грезы, не мечты.

Уже ль еще не знаешь ты,

Что швой опець ожесточенный

Безчестья дочери не снесъ

И, жаждой меспи увлеченный,

Царю на Гешмана донесъ —

Что въ испязаніяхъ кровавыхъ

Сознался въ умыслахъ лукавыхъ,

Въ спыдѣ безумной клеветы,

Что, жершва смѣлой правошы,

Врагу онъ выданъ головою,

Что предъ Громадой войсковою,

Когда его не осѣнишь

Десница вышняя Господня,

* *

Онъ долженъ бытъ казненъ сегодня,
 Что здѣсь покамѣстъ онъ сидишь
 Въ тюремной башнѣ.

Д о ч ь.

Боже, Боже!...

Сегодня! — бѣдный мой отецъ!

И дѣва падаетъ на ложе,
 Какъ хладный падаетъ мертвецъ.

Пестрютъ шапки. Копья блещутъ.
 Бьютъ въ бубны. Скачутъ сердюки ²⁵.
 Въ строяхъ ровняются полки.
 Толпы кипящъ. Сердца шрепещутъ.
 Дорога, какъ змѣиный хвостъ,
 Полна народу, шевелился.
 Средь поля роковой помостъ.
 На немъ гуляешь, веселился
 Палачъ и алчно жершвы ждетъ:
 То въ руки бѣлыя беретъ,
 Играючи, шопоръ тяжелой,
 То шушитъ съ чернью веселой.

Въ гремучій говоръ все слилось :
Крикъ женскій, брань, и смѣхъ, и ропоть.
Вдругъ восклицанье раздалось
И смолкло все. Лишь конскій попошь
Былъ слышенъ въ грозной тишинѣ.
Тамъ, окруженный сердюками,
Вельможный Гешманъ съ старшинами
Скакаль на ворономъ конѣ.
А шамъ по Кіевской дорогѣ
Телега ѣхала. Въ превогѣ
Всѣ взоры обратили къ ней.
Въ ней, съ міромъ, съ небомъ примиренный,
Могущей вѣрой укрѣпленный,
Сидѣль безвинный Кочубей,
Съ нимъ Искра пихій, равнодушный,
Какъ агнецъ, жребію послушный.
Телега спала. Раздалось
Моленье ликовъ громогласныхъ.
Съ кадилъ куренье поднялось.
За упокой души несчастныхъ
Безмолвно молился народъ,
Сспрадальцы за враговъ. И вопшь

Идутъ они, взошли. На плаху,
Крестясь, ложится Кочубей.
Какъ будто въ гробъ шмы людей
Молчашь. Топоръ блеснулъ съ размаху,
И отскочила голова.
Все поле охнуло. Другая
Кашится вслѣдъ за ней, мигая.
Зардѣлась кровію трава —
И сердцемъ радуясь во злобѣ
Палачъ за чубъ поймалъ ихъ обѣ
И напряженною рукой
Потрясъ ихъ обѣ надъ шолпой.

Свершилась казнь. Народъ безпечный
Идеть, разсыпавшись, домой,
И про свои работы вѣчны
Уже шолкуеть межъ собой.
Пустьеть поле понемногу.
Тогда чрезъ пеструю дорогу
Перебѣжали двѣ жены.
Упомлены, запылены,
Онѣ, казалось, къ мѣсту казни

Спѣшили полныя боязни.

Ужь поздно, кто-то имъ сказалъ

И въ поле перстомъ указалъ.

Тамъ роковой намость ломали,

Молился въ черныхъ ризахъ попь,

И на шелегу подымали

Два козака дубовый гробъ.

Одинъ предъ конною толпой

Мазена, грозень, удалялся

Ошь мѣша казни. Онъ шерзался

Какой-то спрашной пустошой.

Никто къ нему не приближался,

Не говорилъ онъ ничего;

Весь въ пѣнь мчался конь его.

Домой прѣхавъ, чпо Марія?

Спросилъ Мазена. Слышишь онъ

Ошвѣшы робкіе, глухіе...

Невольнымъ спрахомъ поражень,

Идетъ онъ къ ней; въ свѣшлицу входить:

Свѣшлица тихая пуста —

Онъ въ садъ, и шамъ смященный бродить;

Но вкругъ широкаго пруда,
 Въ кустахъ, вдоль сѣней безмяшежныхъ
 Все пусто, нѣшь нигдѣ слѣдовъ —
 Ушла! — Зовешь онъ слугъ надежныхъ,
 Своихъ проворныхъ сердюковъ.
 Они бѣгутъ. Храпятъ ихъ кони —
 Раздался дикій кликъ погони
 Верхомъ — и скачутъ молодцы
 Во весь опоръ, во всѣ концы.

Бѣгутъ мгновенья дорогія.
 Не возвращаешься Марія.
 Никто не вѣдалъ, не слыхаль,
 Зачѣмъ и какъ она бѣжала —
 Мазепа молча скрежесаль.
 Зашихнувъ, челядь пренесала.
 Въ груди кипучій ядънося,
 Въ свѣшлицѣ Гешманъ заперся.
 Близъ ложа шамъ во мракѣ ночи
 Сидѣлъ онъ не смыкая очи,
 Нездѣшной мукою шомимъ.
 Поутру, посланные слуги

Одинъ явились за другимъ.
Чуть кони двигались. Подпруги,
Подковы, узды, чепраки,
Все было пѣною покрыто,
Въ крови, разшеряно, избито —
Но ни одинъ ему принесъ
Не могъ о бѣдной дѣвѣ вѣсть.
И слѣдъ ея сущесшвованья
Пропалъ какъ будто звукъ пустой,
И машъ одна во мракъ изгнанья
Умчала горе съ нищешой.

ПѢСНЬ ТРЕТІЯ.

ПОЛТАВА.

ПѢСНЬ ТРЕТІЯ.

Души глубокая печаль
Спремисься дерзновенно въ даль
Вождю Украйны не мѣшаешь.
Твердѣя въ умыслѣ своемъ,
Онъ съ гордымъ Шведскимъ Королемъ
Свои сношенья продолжаетъ.
Межъ шѣмъ, чшобъ обманушь вѣрнѣй
Глаза враждебнаго сомнѣнья,
Онъ, окружась толпой врачей,
На ложѣ мнимаго мученья
Споная молишь изцѣленья.

Плоды спрасшей, войны, трудовъ,
Болезни, дряхлосць и печали,
Предпечи смерпи, приковали
Его къ одру. Уже гошовъ
Онъ скоро бранный мѣръ оставишь;
Свяшой обрядъ онъ хочешь правишь,
Онъ Архипасшыря зовешь
Къ одру сомнишельной кончины:
И на коварныя сѣдины
Елей шаинстввенный печешь.

Но время шло. Москва напрасно
Къ себѣ гостей ждала всечасно,
Средь спарыхъ, вражескихъ могиль
Гошова Шведамъ призну тайну.
Незапно Карль поворошилъ
И перенесъ войну въ Украйну.

И день наспаль. Вспаешь съ одра
Мазепа, сей спрадалецъ хилой,
Сей шрупъ живой, еще вчера
Спонавшій слабо надъ могилой.

Теперь онъ мощный врагъ Петра.
 Теперь онъ, бодрый, предъ полками
 Сверкаетъ гордыми очами
 И саблей машетъ — и къ Деснѣ
 Проворно мчится на конѣ.
 Согбенный пяжко жизнью спарой,
 Такъ онъ хитрый Кардиналь,
 Вънчавшись Римскою піарой,
 И прямъ, и здравъ, и молодъ спалъ.

И вѣсть на крыльяхъ полетѣла.
 Украина смушно зашумѣла.
 « Онъ перешель, онъ измѣнилъ,
 Къ ногамъ онъ Карлу положилъ
 Бунчукъ покорный. » Пламя пышетъ,
 Вспашетъ кровавая заря
 Войны народной.

Кто опишетъ
 Негодованье, гнѣвъ Царя ²⁶?
 Гремить анаема въ Соборахъ;
 Мазены ликъ шерзаетъ кашъ ²⁷.
 На шумной Радѣ, въ вольныхъ спорахъ

Другаго Гешмана пворятъ.
 Съ береговъ пусшынныхъ Енисея
 Семейства Искры, Кочубея
 Поспѣшно призваны Петромъ.
 Онъ съ ними слезы проливаетъ.
 Онъ ихъ, лаская, сыпаетъ
 И новой чеспью и добромъ.
 Мазепы врагъ, наѣздникъ пылкй,
 Старикъ Палй изъ мрака сылки
 Въ Украйну ѣдетъ въ Царскй станъ.
 Трепещетъ бунтъ осирошлой.
 На плахъ гибнетъ Чечель ²⁸ смѣлой
 И запорожскй Ашаманъ.
 И ты, любовникъ бранной славы,
 Для шлема кинувшй вѣнецъ,
 Твой близокъ день, ты валь Полшавы
 Вдали завидѣль наконецъ.

И Царь шуда жъ помчалъ дружины.
 Онъ какъ буря пришекли —
 И оба шана средъ равнины
 Другъ друга хипро облегли:

Неразь избытый въ схваткѣ смѣлой,
 Заранѣ кровью опьянёлый,
 Съ бойцомъ желаннымъ наконецъ
 Такъ грозный сходитсѣ боець.
 И злобась видишь Карль могучій
 Ужь не разспроенныя шучи
 Несчастливыхъ Нарвскихъ бѣглецовъ,
 А нить полковъ блестящихъ, спройныхъ,
 Послушныхъ, быстрыхъ и спокойныхъ,
 И рядъ незаблемый штыковъ.

Но онъ рѣшилъ: заупра бой.
 Глубокой сонъ во спанѣ Шведа.
 Лишь подъ палашкою одной
 Ведетсѣ шопшомъ бесѣда.

« Нѣтъ, вижу я, нѣтъ, Орликъ мой,
 Потороились мы не кшаши:
 Расчешъ и дерзкій и плохой,
 И въ немъ не будешъ благодаши.
 Пропаала, видно, цѣль моя.
 Чшо дѣлашь? даль я промахъ важной:

Ошибся въ эпомъ Карлъ я.
Онъ мальчикъ бойкій и отважной;
Два - при сраженья разыграшь,
Конечно, можешь онъ съ успѣхомъ,
Къ врагу на ужинъ прискакашь 29,
Опѣшествовашъ на бомбу смѣхомъ 30;
Не хуже Рускаго шпрѣлка
Прокрасься въ ночь ко вражью спану;
Свалишь какъ нынче козака
И обмѣняшь на рану рану 31;
Но не ему вѣсти борьбу
Съ самодержавнымъ великаномъ:
Какъ полкъ вершѣшься онъ судьбу
Принудишь хочешь барабаномъ;
Онъ слѣпъ, упрямъ, нешерпѣливъ,
И легкомыслень, и кичливъ,
Богъ вѣспъ какому счастью вѣришь;
Онъ силы новыя врага
Успѣхомъ прошлымъ шолько мѣришь —
Сломить ему свои рога.
Спыжусь: воинственнымъ бродягой
Увлекся я на старосшь лѣшь;

Былъ ослѣпленъ его ошвагой
И бѣглымъ счастьемъ побѣды
Какъ дѣва робкая.»

О р л и к ъ .

Сраженья

Дождемся. Время не ушло
Съ Петромъ опять войши въ сношенья:
Разбитый нами, нѣтъ сомнѣнья,
Царь не ошвергнешь примиренья.

М л а з е п л .

Нѣтъ, поздно. Рускому Царю
Со мной мириться невозможно.
Давно рѣшилась непреложно
Моя судьба. Давно горю
Спѣсенной злобой. Подъ Азовымъ
Однажды я съ Царемъ суровымъ
Во спавкѣ ночью пироваль:
Полны виномъ кипѣли чаши,
Кипѣли съ ними рѣчи наши.
Я слово смѣлое сказалъ.
Смушились госпи молодые —
Царь вспыхнувъ, чашу уронилъ

И за усы мои сѣдые
Меня съ угрозой ухватилъ.
Тогда, смирясь въ безсильномъ гнѣвѣ,
Опмстивъ себѣ я кляшву даль;
Носилъ ее — какъ мать во чревѣ
Младенца носилъ. Срокъ насталь.
Такъ, обо мнѣ воспоминанье
Хранишь онъ будешь до конца.
Петру я посланъ въ наказанье;
Я тернъ въ листьяхъ его вѣнца:
Онъ даль бы грады родовые
И жизни лучшіе часы,
Чтобъ снова какъ во дни былые
Держать Мазепу за усы.
Но есть еще для насъ надежды:
Кому бѣжашъ, рѣшишь заря.

Умолкъ и закрываешь вѣжды
Измѣнникъ Рускаго Царя.

Горишь востокъ зарею новой.
Ужь на равнинѣ, по холмамъ

Грохочуть пушки. Дымъ багровой
Кругами всходишь къ небесамъ
Навспрѣчу упреннымъ лучамъ.
Полки ряды свои сомкнули.
Въ кустахъ разсыпались спрѣлки.
Кашаяся ядра, свищутъ пули;
Нависли хладные шшыки.
Сыны любимые побѣды,
Сквозь огонь окоповъ рвущся Шведы;
Волнуясь, конница лешинь;
Пѣхоша движешся за нею
И пѣжкой швердосшью своею
Ея спремленія крѣпнись.
И битвы поле роковое
Гремишь, пылаешь здѣсь и тамъ:
Но явно счастье боевое
Служить ужъ начинаешь намъ.
Пальбой отбишья дружины,
Мѣшаясь, падають во прахъ.
Уходишь Розень сквозь тѣснины;
Сдается пылкй Шлипенбахъ.
Тѣснимъ мы Шведовъ рашъ за рашью;

Темнѣеть слава ихъ знамень,
И Бога браней благодашью
Нашъ каждый шагъ запечашлѣнь.

Тогда-шо свыше вдохновенный
Раздался звучный гласъ ПЕТРА :
« За дѣло , съ Богомъ ! » Изъ шапра
Толпой любимцевъ окруженный
Выходишь ПЕТРЬ. Его глаза
Сіяють. Ликъ его ужасень.
Движенья быстры. Онъ прекрасень,
Онъ весь, какъ Божія гроза.
Идешь. Ему коня подводяшь.
Решивъ и смиренъ вѣрный конь.
Почуя роковой огонь
Дрожишь. Глазами косо водишь .
И мчится въ прахъ боевомъ ,
Гордась могущимъ сѣдокомъ.

Ужь близокъ полдень. Жарь пылаешь.
Какъ пахарь , бишва отдыхаешь.
Кой-гдѣ гарцюють козаки.

Ровняясь строясь полки.
 Молчишь музыка боевая.
 На холмах пушки присмирѣвъ
 Прервали свой голодный ревъ.
 И се — равнину оглашая
 Далече грянуло *ура*:
 Полки увидѣли Петра.

И онъ промчался предъ полками,
 Могущъ и радоспень какъ бой.
 Онъ поле пожираль очами.
 За нимъ во слѣдъ неслись полпой
 Сии пшеницы гнѣзда Петрова —
 Въ премѣнахъ жребія земнаго,
 Въ трудахъ державства и войны
 Его товарищи, сыны:
 И Шереметевъ благородный,
 И Брюсъ, и Боуръ, и Рѣпинъ,
 И, счастья баловень безродный,
 Полудержавный властелинъ.

И передъ синими рядами
 Своихъ воинственныхъ дружинъ,

Несомый вѣрными слугами,
Въ качалкѣ, блѣдень, недвижимъ,
Спрадая раной, Карль явился.
Вожди героя шли за нимъ.
Онъ въ думу шихо погрузился.
Смущенный взоръ изобразилъ
Необычайное волненье.
Казалось, Карла приводилъ
Желанный бой въ недоумѣнье...
Вдругъ слабымъ маніемъ руки
На Рускихъ двинуль онъ полки.

И съ ними Царскія дружины
Сошлись въ дыму среди равнины:
И грянулъ бой, Полшавскій бой!
Въ огнѣ, подъ градомъ раскаленнымъ,
Спѣной живою опраженнымъ,
Надъ надшимъ спроемъ свѣжій строй
Шпыки смыкаешъ. Тяжкой пучей
Опряды конницы лепучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубяся съ плеча.

Бросая груды пѣль на груду,
Шары чугунины повсюду
Межь ними прыгають, разяшь,
Прахъ роютъ и въ крови шипяшь.
Шведъ, Рускій — колешь, рубишь, рѣжешь.
Бой барабанный, клики, скрежешь.
Громъ пушекъ, шопошь, ржанье, спонь,
И смерть и адъ со всѣхъ споронь.

Среди тревоги и волненья,
На бивву взоромъ вдохновенья
Вожди спокойные глядяшь,
Движенья рашныя слѣдяшь,
Предвидяшь гибель и побѣду,
И въ пишинѣ ведутъ бесѣду.
Но близъ Московскаго Царя
Кпо воинъ сей подь сѣдинами?
Двумя поддержанъ козаками,
Сердечной ревностью горя,
Онъ окомъ опышнымъ героя
Взираешь на волнение боя.
Ужь на коня не вскочишь онъ,

Одряхъ въ изгнанъ сиропѣя,
И козаки на кличъ Палѣя
Не налешашъ со всѣхъ сторонъ!
Но чшожь его сверкнули очи,
И гнѣвомъ, будшо мглою ночи,
Покрылось спарое чело?
Чшо возмушишь его могло?
Иль онъ; сквозь бранный дымъ, увидѣлъ
Врага Мазепу, и въ сей мигъ
Свои лѣша возненавидѣлъ
Обезоруженный спарикъ?

Мазепа, въ думу погруженный,
Взираль на бипву, окруженный
Толпой мяшежныхъ козаковъ,
Родныхъ, спаршинъ и сердюковъ.
Вдругъ высрѣлъ. Спарецъ обратился.
У Войнаровскаго въ рукахъ
Мушкетный спволь еще дымился.
Сраженный въ нѣсколькихъ шагахъ,
Младой козакъ въ крови валялся,
А конь, весь въ пѣнѣ и пыли,

Почуя волю, дико мчался,
Скрываясь въ огненной дали.
Козакъ на Гешмана спремился
Сквозь битву съ саблею въ рукахъ,
Съ безумной яростью въ очахъ.
Спарикъ, подѣхавъ, обратился
Къ нему съ вопросомъ. Но козакъ
Ужъ умиралъ. Попухшій зракъ
Еще грозилъ врагу Россіи;
Былъ мраченъ помершвѣлой ликъ,
И имя нѣжное Маріи
Чуть лепеталъ еще языкъ.
Но близокъ, близокъ мигъ побѣды.
Ура! мы ломимъ; гнуся Шведы.
О славный часъ! о славный видъ!
Еще напоръ — и врагъ бѣжитъ ³²:
И слѣдомъ конница пустилась,
Убійствомъ шупящая мечи,
И падшими вся степь покрылась
Какъ роемъ черной саранчи.

Пируешъ Петръ. И гордь и ясень
 И славы полонъ взоръ его.
 И Царскій пиръ его прекрасень.
 При кликахъ войска своего,
 Въ шашрѣ своемъ онъ угощаешъ
 Своихъ вождей, вождей чужихъ,
 И славныхъ плѣнниковъ ласкаешъ,
 И за учипелей своихъ
 Заздравный кубокъ поднимаешъ.

Но гдѣ же первый, званый госпъ?
 Гдѣ первый, грозный нашъ учипель,
 Чью долговременную злоспъ
 Смирилъ Полтавскій побѣдипель?
 И гдѣ жъ Мазепа? гдѣ злодѣй?
 Куда бѣжалъ Иуда въ спрахъ?
 Зачѣмъ Король не межъ госпей?
 Зачѣмъ измѣнникъ не на плахъ³³?

Верхомъ, въ глуши спешей нагихъ,
 Король и Гешманъ мчашся оба.
 Бѣгушъ. Судьба связала ихъ.

Опасность близкая и злоба
 Даруютъ силу Королю.
 Онъ рану шяжкую свою
 Забыль. Поникнувъ головою,
 Онъ скачешъ, Рускими гонимъ,
 И слуги вѣрные полною
 Чушь могутъ слѣдовать за нимъ.

Обозрѣвая зоркимъ взглядомъ
 Спешей широкій полукругъ,
 Съ нимъ спарый Гешманъ скачешъ рядомъ.
 Предъ ними хушоръ... Что же вдругъ
 Мазепа будто испугался?
 Что мимо хушора помчался
 Онъ спороной во весь опоръ?
 Иль эпошь запусшлый дворъ,
 И домъ, и садъ уединенный,
 И въ поле ошпершая дверь
 Какой нибудь разказъ забвенный
 Ему напомнили шеперь?
 Свяшой невинности губишель!
 Узналь ли шы сію обишель,

Сей домъ, веселый прежде домъ,
 Гдѣ ты, виномъ разгоряченный,
 Семей счастливой окруженный,
 Шумиль бывало за шоломъ?
 Узналъ ли ты приюсть укромный,
 Гдѣ мирный ангель обижалъ,
 И садъ, откуда ночью тѣмной
 Ты вывелъ въ спесь... Узналъ, узналъ!

Ночныя тѣни спесь объемлюшь.
 На брегъ синяго Днѣпра
 Между скалами чушко дремлюшь
 Враги Россіи и Петра.
 Щадашь мечшы покой героя,
 Уронъ Полшавы онъ забылъ.
 Но сонъ Мазены смушень былъ.
 Въ немъ мрачный духъ не зналъ покоя.
 И вдругъ въ безмолвіи ночью
 Его зовушь. Онъ пробудился.
 Глядишь: надъ нимъ, грозя першомъ,
 Тихонько кто-то наклонился.
 Онъ вздрогнулъ какъ подъ шопоромъ...

Предъ нимъ съ развишыми власами,
 Сверкая впалыми глазами,
 Вся въ рубищѣ, худа, блѣдна,
 Стоишь, луной освѣщена...

« Иль это сонъ?... Марія... шы ли? »

МАРІЯ.

Ахъ, пише, пише, другъ!.. Сей часъ
 Отецъ и машь глаза закрыли...
 Постой... услышашъ могушь насъ.

МАЗЕНА.

Марія, бѣдная Марія!

Опомнись! Боже!... Что съ шобой?

МАРІЯ.

Послушай: хитрости какія!
 Что за разсказъ у нихъ смѣшной?
 Она за шайну мнѣ сказала,
 Что умеръ бѣдный мой отецъ
 И мнѣ шихонько показала
 Съдую голову — Творецъ!
 Куда бѣжашъ намъ ошь злорѣчья?
 Подумай: эша голова
 Была совсѣмъ не человѣчья,

А волчья — видишь : какова !
 Чѣмъ обманушь меня хошѣла !
 Не стыдно ль ей меня перзать ?
 И для чего ? чтобъ я не смѣла
 Съ шобой сегодня убѣжать !
 Возможно ль ?

Съ горешью глубокой
 Любовникъ ей внималъ жеспокой.
 Но, вихрю мыслей предана,
 Однако жъ, говоришь она,
 Я помню поле... праздникъ шумной...
 И чернь... и мершвыя шѣла...
 На праздникъ машь меня вела...
 Но гдѣ жъ шы быль ?... Съ шобою розно
 Зачѣмъ въ ночи скишаюсь я ?
 Пойдемъ домой. Скорѣй... ужь поздно.
 Ахъ, вижу, голова моя
 Полна волненія пущаго :
 Я принимала за другога
 Тебя, спарикъ. Осшавъ меня.
 Твой взоръ насмѣшливъ и ужасень.
 Ты безобразень. Онъ прекрасень :

Въ его глазахъ блещишь любовь,
 Въ его рѣчахъ шакая нѣга!
 Его усы бѣле снѣга,
 А на швоихъ засохла кровь.

И съ дикимъ смѣхомъ завизжала,
 И легче серны молодой
 Она вспрыгнула, побѣжала
 И скрылась въ шемношѣ ночной.

Рѣдѣла шѣнь. Воспокъ алѣлъ.
 Огонь козачій пламенѣлъ.
 Пшеницу козаки варили;
 Драбаншы у брегу Днѣпра
 Коней разсѣданныхъ поили.
 Проснулся Карлъ. « Ого! пора!
 Вспавай, Мазена. Разсвѣшаетъ. »
 Но Гешманъ ужь не спитъ давно.
 Тоска, шоска его снѣдаетъ;
 Въ груди дыханье спѣснено.
 И молча онъ коня сѣдлаетъ,
 И скачетъ съ бѣглымъ Королемъ,

И страшно взоръ его сверкаетъ ,
Съ роднымъ прощаясь рубежемъ.

Прошло сто лѣтъ — и что жъ осталось
Опъ сильныхъ, гордыхъ сихъ мужей,
Столь полныхъ волею спрасшей?
Ихъ поколѣнье миновалось —
И съ нимъ исчезъ кровавый слѣдъ
Усклй, бѣдствй и побѣдъ.
Въ гражданствѣ сѣверной державы,
Въ ея воинственной судьбѣ,
Лишь ты воздвигъ, Герой Полшавы,
Огромный памятникъ себѣ.
Въ странѣ — гдѣ мѣльницъ рядъ крылашый
Оградой мирной обступилъ
Бендеръ пусынные раскашы,
Гдѣ бродяшъ буйволы рогашы
Вокругъ воинственныхъ могилъ —

Останки разоренной сѣни,
Три углубленныя въ землѣ
И мхомъ поросшія спупени
Гласящъ о Шведскомъ Королѣ.
Съ нихъ отражалъ герой безумный,
Одинъ въ толпѣ домашнихъ слугъ,
Турецкой раши приспупъ шумной,
И бросилъ шпагу подъ бунчукъ;
И щещно шамъ пришлецъ унылый
Искалъ бы Гешманской могилы:
Забышь Мазепа съ давнихъ поръ;
Лишь въ шоржеспвующей свяпынѣ
Разъ въ годъ анаемой донинѣ,
Грозя, гремишь о немъ Соборъ.
Но сохранилася могила,
Гдѣ двухъ спрадалцевъ прахъ почилъ:
Межъ древнихъ праведныхъ могилъ
Ихъ мирно Церковь пріюшила 34.
Цвѣтешъ въ Диканькѣ древній рядъ
Дубовъ, друзьями насажденныхъ;
Они о праощахъ казненныхъ
Донинѣ внукамъ говорящъ.

* *

Но дочь преступница... преданья
Объ ней молчать. Ея спраданья,
Ея судьба, ея конецъ
Непроницаемою пмою
Ошь насъ закрышы. Лишь порою
Слѣпой Украинскій пѣвецъ,
Когда въ селѣ передь народомъ
Онъ пѣсни Гешмана бренчитьъ,
О грѣшной дѣвѣ мимоходомъ
Козачкамъ юнымъ говорить.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Василій Леонтьевичъ Кочубей, генеральный Судія, одинъ изъ предковъ нынѣшнихъ Графовъ.

2. *Хуторъ* — загородный домъ.

3. У Кочубея было нѣсколько дочерей; одна изъ нихъ была замужемъ за Обидовскимъ, племянникомъ Мазепы. Та, о которой здѣсь упоминается, называлась Машреной.

4. Мазепа въ самомъ дѣлѣ сваталъ свою крестницу, но былъ опказанъ.

5. Преданіе приписываетъ Мазепѣ нѣсколько пѣсень, донынѣ сохранившихся въ памяти народной. Кочубей въ своемъ доносѣ также упоминаетъ о папріотической думѣ, будто бы сочиненной Мазепою. Она замѣчательна не въ одномъ историческомъ отношеніи.

6. Бунчукъ и булава — знаки Гешманскаго достоинства.

7. Смолр. *Мазепу* Байрона.

8. Дорошенко, одинъ изъ героевъ древней Малороссіи, непримиримый врагъ Рускаго владычества.

9. Григорій Самойловичъ , сынъ Гепмана, сосланнаго въ Сибирь въ началъ царствованія ПЕТРА I.

10. Симеонъ Палѣй , Хвостовскій Полковникъ , славный наѣздникъ. За своевольные набѣги сосланъ былъ въ Енисейскъ по жалобамъ Мазепы. Когда сей послѣдній оказался измѣнникомъ , то и Палѣй , какъ закоренѣлый врагъ его , былъ возвращенъ изъ ссылки и находился въ Полтавскомъ сраженіи.

11. Костя Гордѣнко , Кошевой Апшаманъ Запорожскихъ козаковъ. Въ послѣдствіи передался Карлу XII. Взятъ въ плѣнъ и казненъ въ 1708 г.

12. 20.000 Козаковъ было послано въ Лифляндію.

13. Мазепа въ одномъ письмѣ упрекаетъ Кочубея въ томъ , что имъ управляетъ жена его , *гордая и высокоульная.*

14. Искра , Полтавской Полковникъ , товарищъ Кочубея , раздѣлившій съ нимъ его умыселъ и участь.

15. Езуитъ Заленской, Княгиня Дульская и какой-то Болгарской Архіепископъ, изгнанный изъ своего опечесства, были главными агентами Мазепиной измѣны. Послѣдній въ видѣ нищаго ходилъ изъ Польши въ Украину и обратно.

16. Такъ назывались манифеспы Гепмановъ.

17. Филиппъ Орликъ, генеральный Писарь, наперникъ Мазепы, послѣ смерти (въ 1710) сего послѣдняго получилъ отъ Карла XII пушпой пишуль Малороссійскаго Гепмана. Въ послѣдствіи принялъ Магомешанскую вѣру и умеръ въ Бендерахъ около 1736 года.

18. *Булавинъ*, Донской козакъ, бунтовавшій около того времени.

19. Тайный Секретарь Шафировъ и Гр. Головкинъ, друзья и покровители Мазепы; на нихъ по справедливости долженъ лежать ужасъ суда и казни доносителей.

20. Въ 1705 году. Смолтр. примѣчанія къ Исп. Малороссіи, Б. Каменскаго.

21. Во время неудачнаго похода въ Крымъ, Казы-Гирей предлагалъ ему соединиться съ нимъ и вмѣстѣ напасть на Руское войско.

22. Въ своихъ письмахъ онъ жаловался, что доносителей пытали слишкомъ легко, и неопсупно пребовалъ ихъ казни, сравнивая себя съ Сусанною, неповинно оклеветанною беззаконными спарцами, а Графа Головкина съ пророкомъ Даниломъ.

23. Деревня Кочубей.

24. Уже осужденный на смерть, Кочубей былъ пытанъ въ войскѣ Гешмана. По ошвѣпамъ несчастнаго видно, что его допрашивали о сокровищахъ, имъ ушаенныхъ.

25. Войско, соспоявшее на собственномъ иждивеніи Гешмановъ.

26. Сильныя мѣры, принятыя Петромъ съ обыкновенной Его быспрошой и энергіей, удержали Украйну въ повиновеніи.

« 1708 Ноября 7 числа, по Указу Государеву, козаки по обычаю своему вольными голосами выбрали въ Гешманы Полковника Спародубскаго Ив. Скоропадскаго.

« 8 числа пріѣхали въ Глуховъ Кіевской, Черниговской, Передславской Архіепископы.

« А 9 дня предали кляпвѣ Мазепу оныя Архїереи публично; шого же дня и персону (куклу) онаго измѣнника Мазепы вынесли и снявъ кавалерію (которая на шу персону была надѣла съ банпомъ) оную персону бросили въ палачевскія руки, которую палачъ, взявъ и прицѣля за веревку, шацилъ по улицѣ и по площади даже до висѣлицы, и попомъ повѣсили.

« Въ Глуховѣ же 10 дня казнили Чечеля и прочихъ измѣнниковъ... » (*Журналъ Петра Великаго.*)

27. Малороссійское слово. Поруски палачъ.

28. Чечель отчаянно защищаль Бапуринь прошивъ войскъ Кн. Меншикова.

29. Въ Дрезденъ къ Королю Августу. Смолпр. *Voltaire Hist. de Charles XII.*

30. Ахъ, В. В.! бомба!... — « Что естъ общаго между бомбою и письмомъ, которое тебѣ дикшую? пиши. » Это случилось гораздо послѣ.

31. Ночью, Карлъ, самъ осматривая нашъ лагерь, наѣхаль на козаковъ, сидѣвшихъ у огня. Онъ поскакаль прямо къ нимъ и одного изъ

нихъ заспрѣлили изъ собственныхъ рукъ. Козаки дали по немъ при выспрѣла и жестоко ранили его въ ногу.

32. Благодаря прекраснымъ распоряженіямъ и дѣйствіямъ Кн. Меншикова, участь главнаго сраженія была рѣшена заранѣе. Дѣло не продолжалось и двухъ часовъ. *Ибо (сказано въ Жур. ПЕТРА Вел.) непобѣдимые господа Шведы скоро хребетъ свой показали, и отъ нашихъ войскъ вся непріятельская армія весьма опрокинута.* ПЕТРЪ въ послѣдствіи времени многое прощаль Данилычу за услуги, оказанныя въ сей день Генераломъ Кн. Меншиковымъ.

33. L'Empereur Moscovite, pénétré d'une joie qu'il ne se mettait pas en peine de dissimuler (было о чемъ и радоваться) recevait sur le champ de bataille les prisonniers qu'on lui amenait en foule et demandait à tout moment: où est donc mon frère Charles?

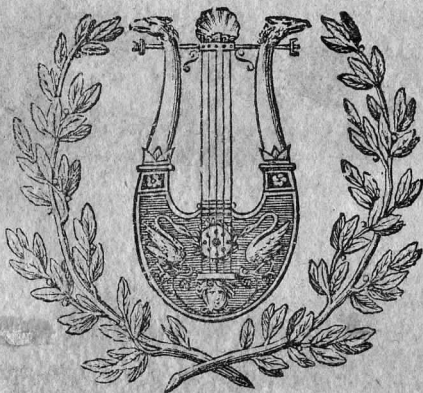
.
 Alors prenant un verre de vin: A la santé, dit-il, de mes maîtres dans l'art de la guerre! — Renschild lui demanda: qui étaient

ceux qu'il honorait d'un si beau titre. Vous, Messieurs les généraux Suédois, reprit le Czar. Votre Majesté est donc bien ingrate, reprit le Comte, d'avoir tant maltraité ses maîtres.

34. Обезглавленныя шѣла Искры и Кочубей были опданы родспвенникамъ и похоронены въ Кіевской Лаврѣ; надъ ихъ гробомъ высѣчена слѣдующая надпись:

«Кто еси мимо грядый о насъ невѣдущій,
 Елицы здѣ еспесмо положены сущи,
 Повеже намъ спрасть и смерть повелѣ молчати,
 Сей камень возопіешъ о насъ ши вѣщати,
 И за правду и вѣрность къ Монарсѣ нашу,
 Спраданія и смерти испыймо чашу,
 Злуданьемъ Мазелы, всевѣчно правы,
 Посѣченны заспавше шопоромъ во главы;
 Почиваемъ въ семь мѣстѣ Машери Владычнѣ,
 Подающія всѣмъ своимъ рабомъ живонѣ вѣчныѣ.»

Року 1708, мѣсяца Юля 15 дня, посѣчены средь обозу войсковаго, за Бѣлою Церковію на Борщаговцѣ и Ковшевомъ, благородный Василий Кочубей, Судія генеральный; Иоаннь Искра, Полковникъ Полшавскій. Привезены же шѣла ихъ Юля 17 въ Кіевъ и шого жъ дня въ обителѣ свяшой Печерской на семь мѣстѣ погребены.»

Продается здѣсь въ С. Петербургѣ
во всѣхъ книжныхъ лавкахъ по 10 р.,
а за пересылку въ другіе города при-
лагается 1 р.